

ре» барнаульские чекисты расстреляли 28 апреля 1933 года члена колхоза «Пламя коммунизма» Старобардинского района Западно-Сибирского края Макара Шукшина — отца трехлетнего Василия Шукшина. Потери отечественного животноводства исчислялись миллиардами рублей. Если в 1923–1927 годах, за несколько сытых лет нэпа, в круглых цифрах поголовье лошадей выросло с 20 млн до 23 млн, а коров — с 26 млн до 30 млн, то в 1929–1933 годах в сельском хозяйстве произошла настоящая катастрофа.

В рыночных ценах 1913 года понесенные убытки превысили 3,4 млрд золотых рублей (\$1,7 млрд). Если предположить, что доллар США с 1913 года обесценился примерно в 25 раз, то общие финансовые потери животноводства в 1929–1933 годах — без отрасли птицеводства за отсутствием должной статистики — мы можем оценить в современных показателях как минимум в \$42 млрд. Резкое сокращение поголовья лошадей потребовало крупных бюджетных расходов на экстренное производство многочисленных сельхозмашин, чтобы обеспечить обработку огромных государственных латифундий. При этом сталинский тезис об успешной механизации сельского хозяйства не выдерживает критики. Если в 1916 году совокупная мощность конского поголовья и тракторного парка составляла 17,9 млн лошадиных сил, а в 1929-м — 17,4 млн, то в 1937-м — лишь 16,7 млн, так как встречные поставки техники не смогли компенсировать колоссальный урон от гибели миллионов лошадей в начале 1930-х годов. Тем более не выросла и урожайность. Если в 1913/14 годах на душу населения собиралось почти 500 кг хлеба, то в 1922/23-м — 360, в 1928/29-м — 400, в 1932/33-м — 340, а в 1938/39 — 370. «Серп и молот — смерть и голод», — говорили шепотом в узком кругу молодые колхозники-красноармейцы, чьи неосторожные высказывания фиксировали сексоты особых отделов НКВД.

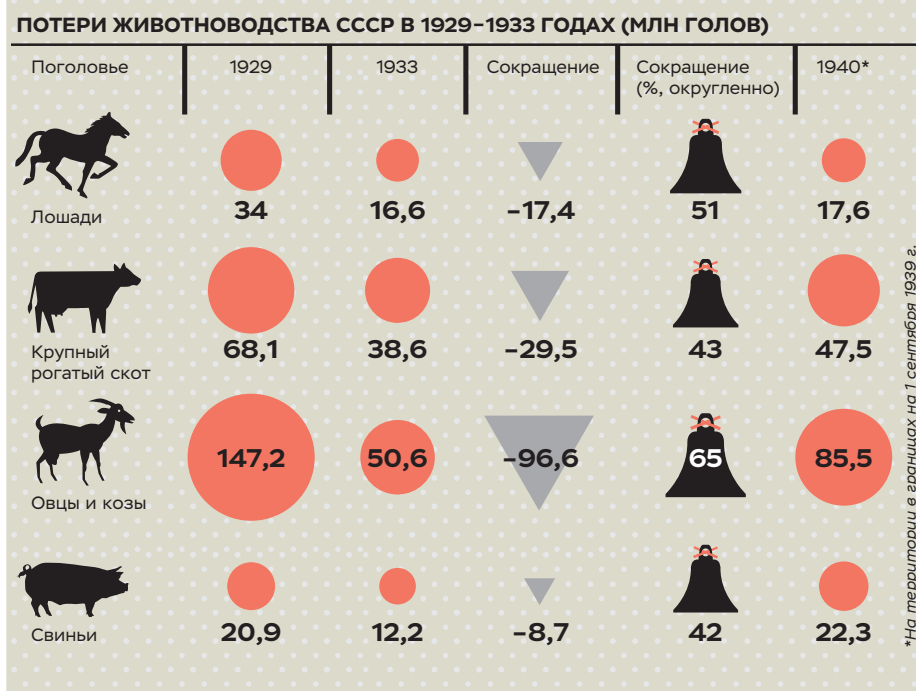
Сталинская коллективизация, положившая начало деградации советской деревни, привела к миллионным жертвам и миллиардным потерям, не повысила эффективности крестьянского труда и не улучшила народного благосостояния. В чем же тогда заключался смысл насильственного создания всесоюзной колхозной системы?

Самая настоящая олигархия

После Октябрьского переворота большевики с трудом мирились с существованием индивидуальных крестьянских хозяйств. Владимир Ленин, Феликс Дзержинский, Григорий Зиновьев и другие руководители Коммунистической партии неоднократно называли советскую модель социально-экономического устройства государственным капитализмом, в рамках которой — в соответствии с большевистской доктриной — не было места ни свободной торговле, ни рыночным отношениям, ни самостоятельным производителям продовольствия. Революционные преобразования совершались под лозунгом уничтожения классов ради достижения всеобщего имущественного равенства и формирования нового человека. «Мы должны увлечь за собой девяносто миллионов из ста, населяющих Советскую Россию, — зывал к соратникам в сентябре 1918 года член ЦК РКП (б) и председатель Петросовета Григорий Зиновьев. — С остальными нельзя говорить — их надо уничтожить». Поэтому первые шаги к введению «второго крепостного права» исподволь были сделаны еще во время гражданской войны. Вслед за отменой права собственности на землю большевики объявили ее зимой 1919 года единым государственным фондом.

Наступательные операции белых армий заставили Ленина отложить массовое создание социалистических хозяйств, чтобы не толкнуть середняка в лагерь российской контрреволюции. А крестьянские восстания 1920–1921 годов вынудили руководителей РКП (б) в качестве «временного отступления» согласиться на ограниченную либерализацию экономики — новую экономическую политику, нэп.

Но нэп мог существовать лишь до тех пор, пока не представлял непосредственной опасности для однопартийной диктатуры, так как система управления крестьянской страной осталась неизменной. На вершине власти находился Центральный комитет (ЦК), избравшийся на очередном партийном съезде, и более узкие коллегиальные органы — Организационное и Политическое бюро, включавшие наиболее авторитетных чекистов. «Самая настоя-

ключевые должности контролировались руководящими органами РКП (б). На местах свою низовую номенклатуру формировали ЦК республиканских компартий, губернские (областные) и уездные (районные) комитеты. Численность партработников в середине 1920-х годов оценивается примерно в 15 тыс., накануне коллективизации — в 25 тыс., а к концу 1930-х годов — более чем в 130 тыс. человек. С 1918–1919 годов совершенствовалась и развивалась система номенклатурных привилегий: от прикрепления ответственного товарища к спецснабжению до предоставления ему комфортного жилья, элитного медицинского обслуживания, персонального транспорта и права ношения огнестрельного оружия. «Коммунистическая революция, которая проводилась во имя уничтожения классов, привела к неограниченной власти одного, нового класса. Все остальное — маскировка и иллюзия», — полагал Милован Джилас, бывший одним из руководителей Коммунистической партии Югославии и ставший гонимым диссидентом.

Поэтому важнейшая задача для номенклатуры заключалась в том, чтобы сохранить свое господствующее положение в завоеванной стране. Цена вопроса значения не имела. Контрреволюционный реванш для десятков тысяч партработников не только означал личный крах, но и представлял непосредственную угрозу жизни. В случае радикальных перемен в СССР Коммунистическая партия не могла перейти цивилизованным образом в парламентскую оппозицию. Захватив власть в России вооруженным путем, большевики удерживали ее путем жестокого насилия и не собирались заключать социальный мир. «Мы до полной ликвидации гражданской войны далеко еще не дошли, и не скоро, должно быть, дойдем», — заявил Сталин соратникам на заседании Политбюро 3 января 1925 года.

И очередной «классовый враг» вскоре нашелся

Системный кризис нэпа, начавшийся в августе 1926 года, быстро приобрел очевидный характер. Его главные причины заключались в значительном превышении крестьянского спроса над государственным предложением на рынке промтоваров, а также в искусственном сдерживании большевиками частной инициативы. Крестьяне, составлявшие более 82% населения СССР, производили продовольствие, зарабатывали деньги и хотели покупать больше нужных им потребительских изделий. Но крестьянский спрос устойчиво превышал предложение. Цены на дефицитные промтовары стали расти, а в качестве неизбежной реакции крестьяне стали поднимать и отпускные цены на продовольствие. В сложившейся ситуации большевики попытались вынудить сельских производителей продавать хлеб

«В случае войны казачество Кубани будет на стороне противника советской власти» (красноармеец национального кавалерийского полка, СКВО, Б. Г. Ивченко, из крестьян, член ВЛКСМ, арестован 11 февраля 1933 года)

«Житуха никуда, там урожай плохой, люди в колхозах голодают и говорят... вашу мать все равно нам придется с вами воевать» (красноармеец кавалерийского эскадрона 28-й стрелковой дивизии, СКВО, Н. И. Прокопов, из крестьян, член ВЛКСМ, арестован 17 февраля 1933 года)

Из сводки-перечня «антисоветских проявлений» в войсках Северо-Кавказского военного округа (СКВО) за зимний период 1933 года